

ОТЗЫВ

официального оппонента Шкапенко Татьяны Михайловны
о диссертации **Каратаракиса Николаоса**

«Эврисемия и полисемия в греческом и русском языках на материале глаголов лексико-семантической группы 'перемещение объекта'»,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Изучение феномена полисемии принадлежит к одним из магистральных направлений лексической семантики, исследующей значение слов, типы семантических преобразований, принципы эпидигматической структуры многозначных слов и т.п. Явление эврисемии (широкозначности) не имеет столь давней и богатой истории изучения, в связи с чем представляет собой перспективное поле для многоаспектного исследования. Автор рецензируемой диссертационной работы ставит перед собой цель общетеоретического характера: обосновать несостоятельность выделения данного явления как автономного, отличного от многозначности (полисемии) и доказать его теоретико-методологическую избыточность. Постановку цели «разоблачить» в теоретической главе работы анализируемый феномен с тем, чтобы в практической части исследования предъявить сумму доказательств в пользу произведенного демонтажа лингвистического конструкта, можно признать не только оригинальным, но и уникальным замыслом, свидетельствующим о развитом критическом мышлении диссертанта и его научной смелости. Избранный Н. Каратаракисом подход – от теоретической абстракции к лингвистическим фактам – чрезвычайно ценен, так как представляет собой развитие собственно теории языка, базирующейся на конкретных языковых фактах.

Всестороннее рассмотрение одного из спорных и теоретически неустоявшихся понятий, до сих пор не получившего общепризнанного лингвистического статуса и четкого определения, свидетельствует о высокой степени **актуальности** исследования, **научная новизна** которого не вызывает сомнений и определяется: – представлением комплекса аргументов в защиту суждения о «необоснованности выделения эврисемии как автономного языкового явления»; – разработкой алгоритма анализа типологических характеристик глаголов ЛСГ «перемещение объекта» на материале русского и греческого языков; – привлечением к анализу разноуровневых языковых данных (семантических, валентностных и словообразовательных свойств) как типологических маркеров синтетизма и аналитизма.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении дискуссионного понятия эврисемии; в разработке и апробации принципов характерологической типологии на основе глаголов ЛСГ «перемещение объекта»; в

расширении типологической базы исследований глагольной лексики и уточнении роли структурных свойств языка в формировании лексического значения и развитии его многозначности. Особое значение для лингвистической системологии имеет предложенный и апробированный в работе комплексный алгоритм анализа, выполненного в сравнительно-сопоставительной перспективе. **Практическая ценность** определяется широкими возможностями применения языкового материала и полученных результатов в прикладной и компьютерной лингвистике, в лексикографии, в том числе для подготовки русско-греческих и греко-русских словарей.

Цель работы определена диссертантом как выявление семантических, валентностных и словообразовательных характеристик русских и греческих многозначных глаголов лексико-семантической группы 'перемещение объекта' на основе дискуссионности понятия эврисемии, а также определение их роли в типологической характеристике языковой системы» (С.7). Для ее достижения использовался целый комплекс методов, направленных на верификацию выдвинутой гипотезы об иллюзорности понятия «широкозначности» и вписываемости эврисемии в общую категорию полисемии. Материал исследования репрезентативен и подробно описан во введении и соответствующих разделах работы. Особо отметим использование данных корпусов русского и греческого языков, что, безусловно, повышает валидность полученных результатов.

Структура работы полностью подчинена достижению поставленной цели и задач. В **первой главе** «Проблема описания эврисемии и полисемии сквозь призму лексического значения» автор систематизирует различные подходы к описанию сущности лексического значения в рамках «минималистского и максималистского подходов», рассматривает существующие концепции эврисемии и анализирует предложенные различными учеными дефиниции, обращая особое внимание на сложность разграничения понятий «широкозначность» и «многозначность»; «общее, обобщенное и инвариантное значение», на наличие противоположных точек зрения на природу эврисемии, а также на состав лексических единиц, рассматриваемых лингвистами в качестве эврисемантов. Результатом аналитического осмысления существующих концепций становится выделение суммы оснований, по которым автор считает избыточным введение в научный оборот термина эврисемии и его исследование как самостоятельного семантического феномена. Следует подчеркнуть, что автор не ограничивается указанием на «слабые» или «противоречивые» стороны в анализе феномена эврисемии другими учеными, но и дополняет свой анализ представлением логических контраргументов по принципу фальсификации (*modus tollens*) в рамках формальной логики (Приложение 1).

Вторая глава работы посвящена сопоставительному анализу глаголов ЛСГ 'перемещение объекта' в греческом и русском языках. В данной части диссертант

последовательно проводит семантический, словообразовательный, деривационный, контекстуальный и корпусный анализ глаголов, избранных в качестве лексических примеров, интерпретируемых в работах других авторов и как «широкозначные», и как «многозначные». Использование разнообразных методов исследования свидетельствует о высоком уровне сформированности научно-исследовательских компетенций, о владении всем инструментарием техник лингвистического анализа, а также об обширной филологической эрудиции автора в области исследуемых языков как сложным образом развивающихся лингвистических систем.

В **третьей главе** автор ставит перед собой цель охарактеризовать анализируемые глаголы как маркеры системной типологии, выдвигая гипотезу о них как о «ярких представителях языка» в силу их чрезвычайной частотности, широкой сочетаемости и способности утрачивать исходную «вещественность» семантики в процессе приобретения обобщенного значения. К выводам типологического свойства можно отнести сформулированные автором принципы о наличии общего вклада определенных ЛСГ в развитие лексико-грамматических связей в языковой системе, действующих на основе механизма «устранения и заполнения», когда «исчезновение или ослабление одних элементов неизбежно сопровождается расширением функций других» (с. 185). Несмотря на кажущуюся эклектичность используемых в работе концепций и понятий (от диалектического материализма до системно-функциональной грамматики М. Халлидея, от грамматической метафоры до сенсорной), следует признать, что все они работают на единый вывод, – на доказательство обоснованности представлений диссертанта о типологически обусловленном характере взаимодействия «наиболее частотных динамичных глаголов» и об их общем вкладе в развитие языковых систем (с. 154). Результаты применения различных методик анализа получают свое отображение в схемах и графиках, дающих наглядное представление о типологических характеристиках рассматриваемого материала.

К числу несомненных достоинств работы следует отнести четкую логику в построении и изложении материала; увлеченность диссертанта решением сложной лингвистической проблемы; наличие собственной позиции, выработанной на основе аналитического прочтения значительного массива работ. Обращает на себя внимание знание автором теоретических концепций и соответствующих им терминов как в российском, так и в зарубежном языкознании, сопоставление которых может представлять дополнительную теоретическую ценность. Работа написана прекрасным русским языком, в тексте практически полностью отсутствуют какие-либо ошибки или опечатки.

Глубокий, многоаспектный и, несомненно, оригинальный научный труд, каковым является диссертация Н. Каратаракиса, не может не содержать полемических моментов, вызывающих замечания и вопросы дискуссионного характера.

- Во-первых, отдельные аргументы, приводимые автором в защиту тезиса о теоретико-методологической несостоятельности феномена «эврисемии», представляются спорными. В качестве одного из ведущих указывается известный «принцип бритвы» У. Оккамы, призывающего не множить сущности без необходимости. Принцип сам по себе можно считать своего рода предостережением представителям филологических наук в целом, однако, если мы будем следовать ему, то вынуждены будем признать собственную научную и профессиональную избыточность. Так, если человек, далекий от лингвистических штудий, понимает подспудно, что значение слова – это то, что оно значит, то в лингвистике существует огромное количество дефиниций и концепций значения. При этом систематизирующие их филологи приходят к парадоксальному выводу о том, что значение слова не определяемо, поскольку оно самоочевидно (R. Grzegorzczkova 1995). То же самое происходит с искусственными теоретическими лингвоконструктами (концепт, дискурс и др.), которые определяются, доопределяются и переопределяются теоретиками, а после прохождения серии герменевтических кругов квалифицируются как «зонтичные термины» (В.И. Карасик), то есть приобретают черты своего рода рукотворных эврисемантов.

С другой стороны, причины неизбежности плюрализма в лингвистике, в противовес суждениям о гносеологической анархии в филологических науках, были приведены В.Г. Гаком в его работе «О плюрализме в лингвистических теориях» (Гак, 1997). К их числу ученый относит объективные (недискретность, асимметрию и многоаспектность языковых явлений) и субъективные (особенности человеческого мышления) факторы. Данное объяснение в полной мере применимо к рецензируемому сочинению, представляющему оригинальную точку зрения на дискуссионный семантический феномен.

- Определенные сомнения вызывает неоднократно повторяемый в работе тезис о выявляемости эврисемии исключительно на межъязыковом уровне и, как следствие, неуниверсальности рассматриваемого феномена. Действительно, в большинстве работ эврисеманты изучаются в контрастивной парадигме, что, однако, не свидетельствует об облигаторности сравнительно-сопоставительного подхода. В целом ряде статей явление широкозначности описывается на материале только одного языка, например, английского (Димова С.Н. 1972; Джоламанова Б.Д. 1978; Горшкова К.А. 1973 и др.), немецкого (Попова В.Н. 1984), французского (И.А. Семина 2019) и др..

- Автор диссертационной работы подчеркивает, что в настоящее время отсутствует методология изучения эврисемии, применимая ко всем частям речи, что, по его убеждению, «делает невозможным научное описание эврисемии как системного явления» (с. 76). Однако описание и всех других семантических процессов (метафоризация или метонимизация, расширение или сужение значения и др.) также предполагает отдельное для различных частей речи изучение

механизмов семантических преобразований, что не исключает данных явлений из числа системных процессов. Кроме того, в монографии И.А. Семиной «Широкозначность в аспекте универсальности и аналитизма» (Семина 2019) показывается универсальность эврисемии на материале субстантивов, глаголов, адъективов и местоимений.

- Наши сомнения вызывает односторонний вектор рассмотрения эврисемии как свойства преимущественно глагольной лексики. К числу широкозначных слов часто относят также существительные, например: *thing, affair, stuff, matter, way, event* и прилагательные – *bad, good* (Беляевская 2007). Исследователь Е.Г. Беляевская, работа которой, к сожалению, отсутствует в списке цитируемых в диссертации, обращает внимание на близость данных слов *семантике гиперонима* и замечает, что гипероним, выполняя заместительную функцию, своей семантики не теряет, из чего следует достаточно убедительный вывод о том, что широкозначность нельзя приравнивать к десемантизации (Беляевская 2007).

- На наш взгляд, именно выбор глаголов как объекта исследования поддерживает убежденность диссертанта в отсутствии самого явления эврисемии, что, действительно, получает в работе основательную доказательную базу. Однако, если принять во внимание тот тезис, что эврисемант имеет одно значение и при этом используется в заместительной функции по отношению к различным денотатам, то лучшими представителями эврисемии должны быть признаны имена существительные и прилагательные. Если мнимая широкозначность глаголов реализуется посредством целого ряда устойчивых коллокаций, закрепленных на системном уровне, что приводит к итоговой десемантизации, то субстантивная или адъективная эврисемантизация не требуют обязательного присутствия лексического контекста, поскольку способны реализоваться в ситуациях, ограниченных только присутствием подходящего референта.

- Основная проблема в интерпретации эврисемии vs полисемии заключается, на наш взгляд, в излишнем крене в сторону языковой системы (от уже кодифицированных случаев системных коллокаций или реже – речевых актов – к попыткам выявления общего или инвариантного значения). На этой же логике строит свои рассуждения Николаос Каратаракис, например: «Если широкозначные слова реализуются в контексте или приносят в него своё значение, речь идёт не об «общем» значении, а о степени десемантизации» (с. 63).

Избранный лингвистами вектор анализа практически полностью исключает из него человека как носителя индивидуализированных языковых способностей. Заметим, что речь всегда маркирована социолингвистически, прежде всего возрастными и когнитивными особенностями говорящего, и в этой связи эврисемичность можно рассматривать в том числе как эффект когнитивных неудач. Невозможность подыскать подходящее слово для обозначения какого-либо предмета приводит к спонтанному использованию имен гиперонимической

семантики. Это подтверждается эксплицитным образом в виде парентез паразитического характера, которые становятся универсальным средством заполнения речевых пауз (русское «это самое...», как его» и др., франц. *machin* 'как бишь его...', англ. *well* и др.). Поэтому своеобразным компенсаторным приемом становится использование в речи таких слов, как "вещь", "история", "факт" или специально созданных слов-эврисемантов (разговорные *штуковина* или оригинальная голофразема *wihajster* „Wie heißt er?“ (как оно называется?) в польском языке и т.п..

- Более того, нам представляется обоснованным выдвинуть гипотезу о том, что явление эврисемичности существительных или прилагательных в настоящее время расширяется благодаря медиатизации пространства, популяризирующей результаты эврисемантизации слов. Достаточно вспомнить постоянное употребление в речи Дональдом Трампом лексемы "deal" (сделка), когда практически любой акт взаимодействия может называться одним и тем же словом. Это еще в большей степени относится к сужению активного вокабуляра оценочных прилагательных, когда гиперонимы «good» или «bad» подменяют собой все конкретно-оценочные прилагательные. Отсюда наш вопрос диссертанту: не является ли процесс эврисемантизации существительных и прилагательных одним из кардинальных векторов в глобализированном медиапространстве: достаточно вспомнить универсальные метафоры «пространство» (локации), «практики» или «активности», используемые как модные ярлыки для обозначения самых различных денотатов; или прилагательное «токсичный», ставшее универсальным пейоративным стигматом неопределенной семантики. При этом вполне явственно прослеживается влияние лингвосемантических конвенций языка-донора глобализационных процессов, который накладывает свою сетку эпистемических и аксиологических координат на речевые практики носителей всех других языков мира. Заметим, что активное участие в эврисемантизации лексики принимают и лингвисты: так, слово «парадигма» утрачивает всяческие семантические контуры и используется как эврисемант, слово «код» стало универсальным маркером интеллектуализации дискурса и т.д..

Кроме рефлексии общего толка, которую не может не вызывать рецензируемое сочинение, мы хотели бы задать несколько вопросов уточняющего характера:

- На с. 162 диссертации автор указывает, что «номинализация образует отглагольные существительные и рассматривается как феномен, первоначально сформировавшийся в научном и техническом дискурсе, а впоследствии распространившийся на иные коммуникативные сферы», ссылаясь на работу Halliday & Matthiessen 2004. На материале каких языков данное утверждение можно считать релевантным? По наблюдениям историков русского языка, образование девербативов на *-ние* было характерно для всех

функциональных стилей старорусского языка. К примеру, в Сибирских летописях 17 века, отражающих черты языка народно-разговорного типа, употребляется около 200 слов на -е(ние), в том числе и ряд лексем, не известных памятникам книжно-письменного языка (Прохорова 1969, с. 37 – 38).

- На с. 77 автор работы призывает обратиться к «более гибким и эмпирически обоснованным моделям, например, в когнитивной семантике или лингвистической типологии». В этой связи мы хотели бы задать вопрос: что заставляет диссертанта считать когнитивные науки эмпирически обоснованными? Заметим, что изучение эврисемии в когнитивно-функциональной или когнитивно-дискурсивной парадигме уже достаточно широко представлено в российской науке (Е.Г. Беляевская 2005; Е.И. Малютина 2008; Ю.А. Раздабарина 2013; И.А. Семина 2014; О.К. Ирисханова 2014, М.Ю. Евтеева 2013; Т.Н. Гарьковская 2025 и др.). Результатами явились: предложение использовать вместо терминов «широкое, общее, инвариантное значение» термин *концептуальная внутренняя форма (КВФ)*, *схематизированное представление или схематизированная «картинка»*, или «концептуальный «скелет» [Беляевская 2005], описывать глубинные процессы в когнитивных терминах «профилирования и дефокусирования, перспективизации, инференции, конфигурации, субкатегоризации, масштабирования» и т.п. Учитывая критическую направленность мышления диссертанта, хотелось бы узнать, не считает ли он обоснованным применить принцип бритвы Оккама по отношению к самому умозрительному направлению лингвистики, основными методами которого являются интроспекция, логическое мышление и основанное на нем обильное субъективное терминопроизводство?

Наша обширная рефлексия является подтверждением высокой актуальности и остроты проблемы, затронутой автором, выходящей далеко за рамки феномена полисемии/эврисемии в область концептуальных вопросов общей теории языка. Сделанные замечания и вопросы носят полемический характер и не снижают общую высокую оценку работы. В целом многоаспектный подход к изучению важной теоретической проблемы, анализ фактического материала с учетом сложных связей и взаимодействий языковых средств позволили автору успешно решить поставленные задачи и наметить перспективы их дальнейшего исследования.

Диссертационное исследование Н. Каратаракиса является законченной научно-квалификационной работой, в которой содержится новое решение научной задачи в области теоретического осмысления феномена эврисемии и полисемии, а также определения типологической значимости семантических, валентностных и словообразовательных характеристик русских и греческих многозначных глаголов, что имеет важное значение для исследований в области теоретической, прикладной и сравнительно-сопоставительной филологии.

« 20 » 08 2026 г.

Waf

ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени И. Канта», 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14, <https://kantiana.ru/>; Высшая школа коммуникаций и креативных индустрий, +7 (4012) 59-55-95, e-mail: post@kantiana.ru

